

Внезапная вспышка Тань Ци застала Шэнь Цинчжоу и Цинь Жуя врасплох.

— Сяо Ци, что за глупости ты несешь? — глава семьи Цинь нахмурился, в упор глядя на парня.  
— Объясни-ка, с чего это вдруг нельзя расторгнуть помолвку?

Тань Ци вовремя спохватился: его реакция выглядела слишком дикой. Не в силах с ходу сочинить правдоподобную ложь, он лишь растерянно замялся, не зная, что ответить.

— Тань Ци, — мягко вмешался Шэнь Цинчжоу, — ты ведь всегда был дружен со старшей молодой мисс. Неужели тебе хватит духу обречь её на несчастный брак с нелюбимым человеком и позволить загубить всю жизнь?

Тань Ци промолчал.

"В конце концов, я до сих пор не знаю даже имени этой загадочной Старшей молодой мисс Цинь. А со стороны моё поведение выглядит так, словно я упрямо толкаю девушку в пекло. Но жизнь — это не роман. А что, если... что, если я просто себя накрутил?"

Заметив, что парень заколебался, Цинь Жуй добавил:

— К тому же инициатором расторжения выступил сам глава поместья Мэн. Просто ради девичьей чести мы с ним договорились за закрытыми дверями: официально помолвку разорвёт семья Цинь, явившись в Поместье Чистой Святости.

"Так это они первые предложили!"

У Тань Ци немного отлегло от сердца. Судя по тону главы семьи Цинь, тот вовсе не презирал молодого главы поместья Мэн. Да и Шэнь Цинчжоу упирал на чувства девушки, а не на то, что жених ей не чета. "Значит, они не злодеи", — рассудил Тань Ци.

Шэнь Цинчжоу, однако, смотрел на вещи куда глубже:

— С чего вдруг такая спешка? Да, с молодым главой поместья Мэн случилось несчастье, но если забыть о потерянном совершенствовании, его характер и таланты по-прежнему безупречны. Ему под силу унаследовать Поместье Чистой Святости. Наша семья никогда не выказывала и тени пренебрежения. С какой стати Мэн Су внезапно пошёл на попятную?

— Потому что... — Цинь Жуй тяжело вздохнул, — в Бездну Гаюань прибыла принцесса Чандин.

"Кто такая принцесса Чандин? И где находится эта Бездна Гаюань?"

Не понимая ни слова, Тань Ци лишь озадаченно захлопал глазами.

Шэнь Цинчжоу заметно вздрогнул:

— Принцесса Чандин, Дунфан Цзе? Что ей понадобилось в Бездне Гаюань?

В древнем трактате «Шаньхайцзин» сказано: «За пределами Восточного моря лежит великая бездна — то Царство Шаохао. Там Шаохао воспитывал императора Чжуаньсюя, там оставил свои лютни и гусли. Возвышается там гора Ганьшань, рождающая Бездну Гаюань, откуда берут начало сладкие воды...»

Те стародавние мифы давно обратились в пыль, но Бездна Гаюань всё ещё оставалась там, где и прежде — менее чем в пятистах ли от Одиннадцати островов Пэнлай. Для заклинателей такое расстояние — сущий пустяк, день пути туда и обратно.

Слишком близко.

Ладно бы принцесса Чандин явилась одна. Но всем было ведомо, что под началом Дунфан Цзе стоят шестьсот тысяч закалённых воинов — грозная сила, сосредоточившая в её руках почти всю военную мощь династии Великий Цянь.

Цинь Жуй процедил сквозь зубы, помрачнев:

— Это демонстрация силы.

Принцесса Чандин, Дунфан Цзе, прибыла по воле императора, чтобы пригрозить великим кланам.

— Но с тех пор, как Его Величество устроил последнюю резню среди великих семей, прошло всего тридцать лет, — нахмурился Шэнь Цинчжоу. — Сейчас все ордены тише воды ниже травы. К чему начинать всё сначала?

Глава семьи Цинь сокрушённо покачал головой:

— Куньюй, ты забываешь. Когда нынешний император только вошёл на престол и трон под ним качался, он уже тогда не побоялся пролить кровь столичных кланов. Наш род уцелел лишь потому, что Пэнлай лежит на окраине мира, а наши дети никогда не лезли в государственные дела. Но теперь император вошёл в пору своего расцвета. И боюсь, что...

Он оборвал фразу на полуслове. Умному человеку намёка довольно, а излишняя откровенность в таких делах лишь навлекает беду.

Шэнь Цинчжоу понимающе кивнул. Тридцать лет назад Поместье Чистой Святости звалось иначе — то был клан Мэн из Цзоучэна. Лишь благодаря поразительной дальновидности тогдашнего старейшины Мэн, вовремя отозвавшего всех чиновников со службы на покой и превратившего родовой замок в конфуцианскую академию, они сумели избежать безжалостной чистки.

Но положение семьи Цинь всегда оставалось особенным.

Поговаривали, будто император Великого Цянь, Дунфан Юй, как-то с главу на глаз спросил одного из старейших советников: «Как нам поступить с семьёй Цинь?»

Старый министр ответил кратко: «С ними ничего делать не нужно».

«Но ведь Цинь из Пэнлая — это тысячелетний клан, — удивился Дунфан Юй. — Да к тому же они прямые потомки Первого Императора. Их влияние огромно. Почему же мы должны закрыть на них глаза?»

На что советник усмехнулся: «Ваше Величество, среди всех Циней на государственной службе не наберётся и десятка человек, а самый высокий их чин — скромный шестой ранг. Разве это великий клан?»

Услышав это, Дунфан Юй велел собрать подробные сведения о Пэнлае. Выяснилось, что наследники Первого Императора действительно ведут себя на редкость тихо. Любые указы столицы они исполняли беспрекословно, не выказывая ни малейших амбиций и не переступая дозволенных границ.

Император тогда лишь снисходительно хмыкнул: «Они пошли в Гунцзы Гао, а не в великого предка. Неудивительно, что их род дожил до наших дней».

С тех пор он оставил Циней в покое, сосредоточившись на тех кланах, что смели скалить зубы на престол.

— Глава прав, — Шэнь Цинчжоу нахмурился, взгляд его стал холодным и сосредоточенным. — Этому союзу не бывать. Время великих кланов уходит. Семья Цинь пока держится на плаву, но сейчас нам как никогда важно проявлять осторожность, чтобы сберечь наследие.

— Впрочем, не тревожься так сильно, — попытался успокоить его Цинь Жуй. — Дела поднебесного мира зачинателей — это не то, чем императорский двор может вертеть как вздумается. Наш род всё ещё пользуется вековым почтением, и пресмыкаться перед властью мы не станем.

Тань Ци, молча стоявший рядом, наконец-то уловил суть происходящего.

Если Цинь и Мэн объединятся, это лишь подстегнёт подозрительность императора и навлечёт на их головы карательные меры. А значит, свадьбе действительно не бывать. Когда-то, при жизни старого главы семьи Цинь, Поместье Чистой Святости переживало упадок, но стоило молодому Мэн Сю совершить невероятный прорыв и заявить о себе, как император тут же обратил взор на этот затянувшийся союз.

Теперь же, когда юноша лишился сил, расторжение помолвки позволит без единого выстрела устранить угрозу возрождения опасного альянса. Разрывать помолвку придётся в любом случае.

Тань Ци сокрушённо вздохнул и с надеждой посмотрел на главу рода:

— Раз уж вы собираетесь расторгнуть помолвку... можно мне поехать с вами?

— Здесь моё слово не решающее, — Цинь Жуй развёл руками, посмеиваясь. — Спрашивай Куньюя. Всё-таки он заправляет делами в Тереме Черной Птицы.

Тань Ци послушно повернулся к Шэнь Цинчжоу:

— Дядюшка Куньюй...

— В Тереме сейчас хватает свободных рук, так что ты вполне можешь отправиться с нами, — спокойно ответил Шэнь Цинчжоу, но его следующий взгляд пронзил парня насквозь. — Разумеется, при условии, что ты действительно Тань Ци.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба.

"Чёрт! Меня раскрыли! Как я мог забыть, что это мир заклинателей? Здесь несоответствие души и тела вычислят на раз-два! Что теперь делать? Спасите-помогите!"

У Тань Ци перехватило дыхание, вдоль позвоночника пробежала ледяная дрожь, а в глазах на мгновение потемнело. Рубаха мгновенно взмокла и неприятно прилипла к спине.

Глядя на то, как юношу бьёт крупная дрожь, Цинь Жуй оперся ладонями о стол и подался вперёд, буравя его тяжёлым, немигающим взглядом.

— Ты боишься?

Это был не вопрос, а констатация факта.

Во время разговора Цинь Жуй мельком заглянул в полупрозрачное системное окно, видимое

лишь ему одному. Имя Тань Ци бесследно исчезло из списка отношений. Вариантов оставалось всего два: либо они никогда не встречались прежде, либо настоящий Тань Ци был мёртв.

Даже если бы парень просто потерял память, после их повторного знакомства его имя обязано было вернуться в реестр благосклонности. Раз этого не случилось, оставался лишь один жуткий вывод. Тань Ци мёртв. А тот, кто стоит перед ними — самозванец! Не зная истинного имени пришельца, система попросту не могла отобразить его в списке.

Тяжёлая, почти осязаемая тишина затопила зал. Хэйшицзы, до этого мирно лежавший у порога, вскинулся, отряхнув длинную чёрную шерсть. Его зрачки сузились в тонкие щёлки. Одним мягким прыжком зверь перекрыл единственный выход из Терема Черной Птицы.

Тань Ци почувствовал, будто ему на плечи обрушилась многотонная скала. Воздух сделался вязким, словно смола, не давая сделать даже вдох.

— Я... я...

"Конец. Похоже, меня сейчас прикончат прямо на этом месте!"

Парень до смерти перепугался. С его лица сошла вся краска, в глазах заблестели слёзы, и он едва держался на ногах, готовый вот-вот рухнуть без чувств.

Но Цинь Жуй не знал жалости. Его рука мёртвой хваткой вцепилась в плечо лже-Тань Ци, пальцы до боли вдавились в мышцы. Не дав несчастному даже вскрикнуть, глава клана резко ткнул указательным пальцем ему прямо в межбровье.

Ослепительная белая вспышка, подобно восходящему солнцу, залила каждый уголок Терема.

[Секретная техника: Изгнание души!]

Не желая вредить плоти юноши, Цинь Жуй намеревался вырвать чужеродный дух наружу. Кем бы ни был этот наглый захватчик, он не смел осквернять тело сына его старого друга.

— А-а-а-ах!

Неведомая сила вцепилась в Тань Ци, пытаясь выдрать его существо к небесам. Сознание поплыло, уплывая во тьму, но адская боль пронзила каждую фибру его бытия с кристальной, невыносимой чёткостью.

"Как же больно! Боже, за что?!"

Разве мог изнеженный парень из мирного времени выдержать подобные муки? Мир перед его глазами безумно завертелся, распадаясь на пестрые радужные полосы, готовые поглотить его угасающий дух.

Разрывая плоть и кости, чужая духовная сила безжалостно ввинчивалась в тончайшие каналы души, выламывая её из телесной оболочки, словно ржавый гвоздь из деревянной балки.

Но в самый критический миг глубоко в его груди пробудился тёплый, живительный поток, мгновенно разбежавшийся по венам. Мучительная тяга отпустила, а острая боль сменилась блаженным покоем.

"Так хорошо... тепло..."

Сознание Тань Ци медленно всплыло из забытья, и он слабо приоткрыл глаза.

— Хм?

Ошеломлённый Цинь Жуй отдернул руку и попятился на несколько шагов.

Ему не удалось изгнать душу. Дух и тело этого мальчишки слились воедино настолько безупречно, что ни о каком захвате чужой плоти не могло быть и речи. Душа принадлежала этому телу изначально. Неужели... они действительно ошиблись?

Шэнь Цинчжоу тоже почуял неладное:

— Глава семьи...

Цинь Жуй лишь отмахнулся, собираясь ответить, но в этот момент Тань Ци ошалело уставился в пустоту перед собой, покачался мгновение и кулем рухнул на пол.

Глухой стук — и парень растянулся на каменных плитах без задних ног, мгновенно захрапев на весь Терем.

Глава рода опешил:

— Вот тебе и раз...

Шэнь Цинчжоу поспешно приподнял спящего и виновато склонился перед главой:

— Похоже, это действительно молодой господин Тань. Моя излишняя подозрительность навлекла на него напрасные обвинения. Я отправлюсь в Зал Подвешенного Зеркала и приму

заслуженную кару, как только перенесу его в опочивальню.

— Встань, брат, — устало вздохнул Цинь Жуй. — Руками махал я, при чём тут ты?

— Но глава!..

— Полно тебе. Считаю, что тот золотой эликсир — мой подарок Сяо Ци в знак примирения. Отнеси его в комнату, а когда он проснётся, я навещу его снова.

— Хорошо... я понял.

Хэйшицзы послушно отступил в сторону. Подхватив полы халата, Цинь Жуй вышел за порог Терема Черной Птицы.

Он поднял взор к небу. Там догорал алый закат, а далёкая гладь моря переливалась призрачным, перламутровым блеском.

Духовная гармония не лжёт. Выходит, дала сбой сама система. За все пять лет, что он владел этим загадочным даром, подобное случилось впервые.

"Если имена отображаются неверно, то и шкала благосклонности может безбожно врать?"

С этой мыслью Цинь Жуй вновь развернул мерцающий список отношений и отыскивал имя младшего соученика. В следующее мгновение глава клана остолбенел: шкала благосклонности взлетела до отметки «восемьдесят».

"Вздор какой-то. Разве мог Куньюй питать ко мне столь тёплые чувства?"

Впрочем, показатель в восемьдесят пунктов давал свои преимущества: теперь он мог прочесть личное досье Шэнь Цинчжоу.

Каждое системное досье раскрывало три случайных характеристики персонажа, оцениваемых по десятибалльной шкале. Помнится, открыв карту дочери, он обнаружил у неё восемь баллов за талант к самосовершенствованию и от радости ходил сам не свой до самого утра. А вот у сына в графе добродетели красовалась жалкая тройка, из-за чего разгневанный отец посреди ночи ворвался к нему в спальню и знатно отходил шельмеца затрещинами прямо через одеяло.

"Интересно, что же система приготовила для младшего брата?.."

Сгорая от любопытства, Цинь Жуй нажал на мерцающий значок рядом с именем Шэнь Цинчжоу.

[Внешность: 10/10]

"Что ж, тут и слепой бы не поспорил."

[Разум: 10/10]

"Вполне ожидаемо. Куньюй всегда отличался выдающимся умом и стойкостью."

[Уровень угрозы: 10/10]

"Так... Что?!"

"Уровень угрозы? Какая ещё угроза? И почему здесь тоже максимальный балл?!"

Цинь Жуй долго смотрел на три кроваво-красные десятки, чувствуя, как глупеет с каждой секундой. Наконец он замахнулся и раздражённо шлёпнул по зависшей в воздухе панели.

"Точно сломалась, проклятая железка!"

\*\*\*

Прибежище Шэнь Цинчжоу звалось Обителью Чистого Блеска. Находилось оно неподалёку от скромного жилища Тань Ци.

Минувший день принёс слишком много тревог. На душе у Шэнь Цинчжоу было беспокойно, тяжёлые думы не давали вздохнуть полной грудью. Лишь усердно переписав несколько раз назидание «Цзецзышу», он сумел вернуть мыслям привычный покой, после чего затушил свечу и поспешил лечь в постель.

В полузабытии сна ему почудилось, будто он парит в запредельной вышине. Потоки ветра подхватили его тело, увлекая куда-то против воли. В следующий миг он сорвался вниз и рухнул в беспросветную, глухую пелену тумана, мгновенно потеряв ориентиры.

"Где я?"

Мысли Шэнь Цинчжоу оставались на удивление чёткими. Какое-то внутреннее чутьё подсказывало ему: всё это — лишь зыбкое сновидение.

"Всего лишь сон..."

Он долго стоял на одном месте, пытаясь пробудиться, но безуспешно. Наконец, выбрав случайное направление, он двинулся вперёд, стараясь держаться прямой линии и уходя всё глубже в белое безмолвие.

Стоило ему сделать несколько десятков шагов, как туман начал рассеиваться, и перед взором Шэнь Цинчжоу предстала удивительная картина.

<http://bllate.org/book/18428/1768288>